

Человек-оркестр

Вспомнилось название этого искрометного французского фильма не случайно, а в связи с семидесятилетним юбилеем нашего давнего, с дней юности, товарища — Феликса Кохрихта. Емкое название картины вполне можно использовать для характеристики Феликса, естественно, совсем не похожего на героя блистательного Луи де Фюнеса. Правда, артистичности моему герою не занимать. И многогранности дарования природа ему выдала сполна.

В той далекой юности Феликс, выпускник медицинского училища, работал медбратом на Слободке, в доме, где обитали страждущие душой люди. Там он подружился с замечательными врачами, среди которых были Полина Георгиевна Великанова и Джон Иосифович Майер. Наверное, незаурядность юного коллеги обратила на себя внимание этих известных в городе людей. Феликс, высокий, худенький, с рыжей копной волос и детскими веснушками, был обречен на постоянное цитирование в его присутствии стихотворения Веры Инбер — "веснушек у Боба ужасно как много, и ясно, что это навек". Как в стихотворении мальчик Боб, так и Феликс встретит свою "девочку Дороти, лучшую в городе" — Таню Вербицкую.

В те годы Феликс писал трагикомические рассказы, где употреблял слова, которые "не знала бабушка". Никаких непристойностей, просто бабушке неведомо было, в частности, слово "презерватив". Эти юношеские рассказы так и остались неопубликованными... Жаль.

В середине шестидесятых, разбуженные хрущевской оттепелью, многие молодые люди круто меняли жизненный маршрут. И Феликс, окончив филфак одесского университета, ушел из медицины в журналистику, где и пребывает до сих пор.

Но кроме журналистики уже в те годы появились у Феликса и другие пристрастия, а точнее, страсти — музыка и коллекционирование. И Таня на равных делила с Феликсом эти увлечения. У Тани музыка — с детских лет, когда ее мама Наталья Сергеевна Вербицкая-Завалишина играла дома в четыре руки со Святославом Рихтером, дружба с которым продолжалась всю ее жизнь. Феликс, как многие мальчики в послевоенной Одессе, учился в школе имени Столярского, и ему прочили судьбу музыканта.

Воспитанные на классической музыке, они, тем не менее, не могли из-

бежать околдовывавшего обаяния джаза — коллекционирование пластинок, джазовые концерты. Наконец, во времена перестройки — джаз-клуб с Николаем Голошаповым, Юрием Затворницким, Михаилом Обуховским в подвальчике на Дерибасовской. Там, где был когда-то летний кинотеатр "Комсомолец", а теперь на его месте нависла "Европа"... Правда, в наши дни вместо джаз-клуба — джазовые фестивали и "Два дня и две ночи" музыки в Одессе!

В жизни Феликса и Тани музыка тесно переплелась с живописью. В начале шестидесятых коллекционирование стало глотком свободы на небольшом пространстве своего дома. Книги, пластинки, открытки, жетоны, графика, наконец, живопись — были утешением и спасением в абсурдистском мире нашего бытия. Тем более что рядом жили, писали, не выставлялись на официальных выставках талантливые художники, молодые, дерзкие, отвергавшие устоявшиеся догмы соцреализма.

Так, на стенах появлялись работы Люсика Межберга и Валика Хруща, Люды Ястреб и Вити Маринюка, Володи Стрельникова и многих других. (Может показаться, что я фамильярно употребляю уменьшительные имена давно ставших знаменитыми художников. Но мы были сверстниками и с юности привыкли к этим ласковым именам.) И конечно же, Саши Ануфриева. Портрет Феликса его работы — с пылающей рыжей шевелюрой на фоне Колизея, который тогда каждый из нас знал только по картинкам да по увиденным кадрам в итальянских фильмах, экспрессия этого портрета была достойна любого европейского музея.

Отдав много лет газетной журналистике, Феликс в последние пятнадцать лет осуществил несколько важных культурологических проектов. Уже давно он ведет на телевидении программу "Собеседник". И в беседах себе он выбирает людей интересных, часто, как принято говорить, "знаковых" для Одессы. Спокойный доверительный тон этих бесед, на мой взгляд, отличает их выгодно от того состояния журналистики, в которое она погрязла в наше время.

Я могла бы назвать журнал "Одесса", центры современного искусства "Тирс" и Сороса, но из многочисленных проектов Феликса Давидовича мне особенно близок альманах "Дерибасовская — Ришельевская". Меня могут заподозрить в необъективности, но я не жрица Фемиды, чтобы быть беспристрастной. Я читаю каждый номер альманаха, и не было случая, чтобы я отбросила его с мыслью о зря потерянном времени. Мне интересно многое, идет ли речь о новых для меня страницах ис-

Татьяна и Феликс со своими нынешними питомцами Принцессой и Монстриком

тории родного города, или страницах, где впервые подают свой еще ломающийся голос молодые поэты и прозаики. Что уж говорить о зрелых текстах Игоря Божко и Олега Губаря, Анатолия Контуша и Александра Дорошенко, Владимира Каткевича и Алены Яворской. Я могу только пожалеть, что редко встречаю рассказы Сергея Рядченко, но утешаюсь страницами, посвященными старому и современному искусству Одессы... Кто-то может со мной не согласиться — это право каждого. Я говорю об исключительно своем субъективном отношении к этому альманаху и прошу его критиков: "Сделайте лучше!". Как читательница буду признательна.

Есть еще одно свойство у этой супружеской пары, милое моему сердцу, — любовь к братьям нашим меньшим. Особенно к котам и кошкам — рыжим, полосатым, тихим, драным и мохнатым, персиянкам, египтянкам и другим аноластанкам, и простым бездомным муркам — они готовы помогать всегда. А уж их домашние любимцы — Агафья, Глазастик, Апельсин, Лукаша, Мики — на протяжении долгих лет стали легендарными героями рассказов Тани и Феликса, часто превращавшихся в настоящие притчи.

Доцент факультета РГФ одесского университета, создатель собственной фонетической школы, Татьяна и ее супруг много путешествуют, выбирая порой весьма экстремальные маршруты.

На один из дней рождения (а здесь свой знак тоже подала судьба, потому что появление на этот свет Феликса и Тани отделяет всего лишь несколько дней) я позволила себе некую графоманскую безделицу, и заранее выпрашивая прощение за это самоцитирование, хочу привести несколько строф из этих "куплетов":

Феликс с Таней за границу
едут не воды напиться,
а пройтись по тем столицам,
чтобы помощь оказать
европейским кошкам сирым,
и совсем не для блезире, —
нужно Таню с Филом знать!
То на Кипре для котенка
купят "Вискас"! — хоть в потемках!
То в Голландии дождливой
купят рыбки, купят сливков,
к удивленью парижан —
кошкам — сыр и круассан.
И сосиску (даже с пивом!)
купят им (не по одной!)
в той Баварии хмельной!
В Каталонии прекрасной,
В Андалузии цветастой,
В Югославии несчастной
Даже в нищем Курдистане —
Нет для Феликса и Тани
В той кошачьей жаркой страсти
Ни преграды, ни напасти,
чтоб могла остановить
вечный зов — котов кормить!

А если отставить в сторону ернический тон, то, задумавшись, признаешься себе, что так мало осталось в Одессе семей, фамилий, с такой прекрасной одесской родословной, восходящей к золотому веку нашего города — девятнадцатому. Все меньше людей, чья жизнь тесно переплетена с судьбами города, с судьбой культуры — музыки, живописи, театра, литературы...

Вот почему так хорошо в доме Татьяны Диомидовны Вербицкой и Феликса Давидовича Кохрихта. И пусть длится это блаженство еще долгие-долгие годы!

Фото Ивана Череватенко